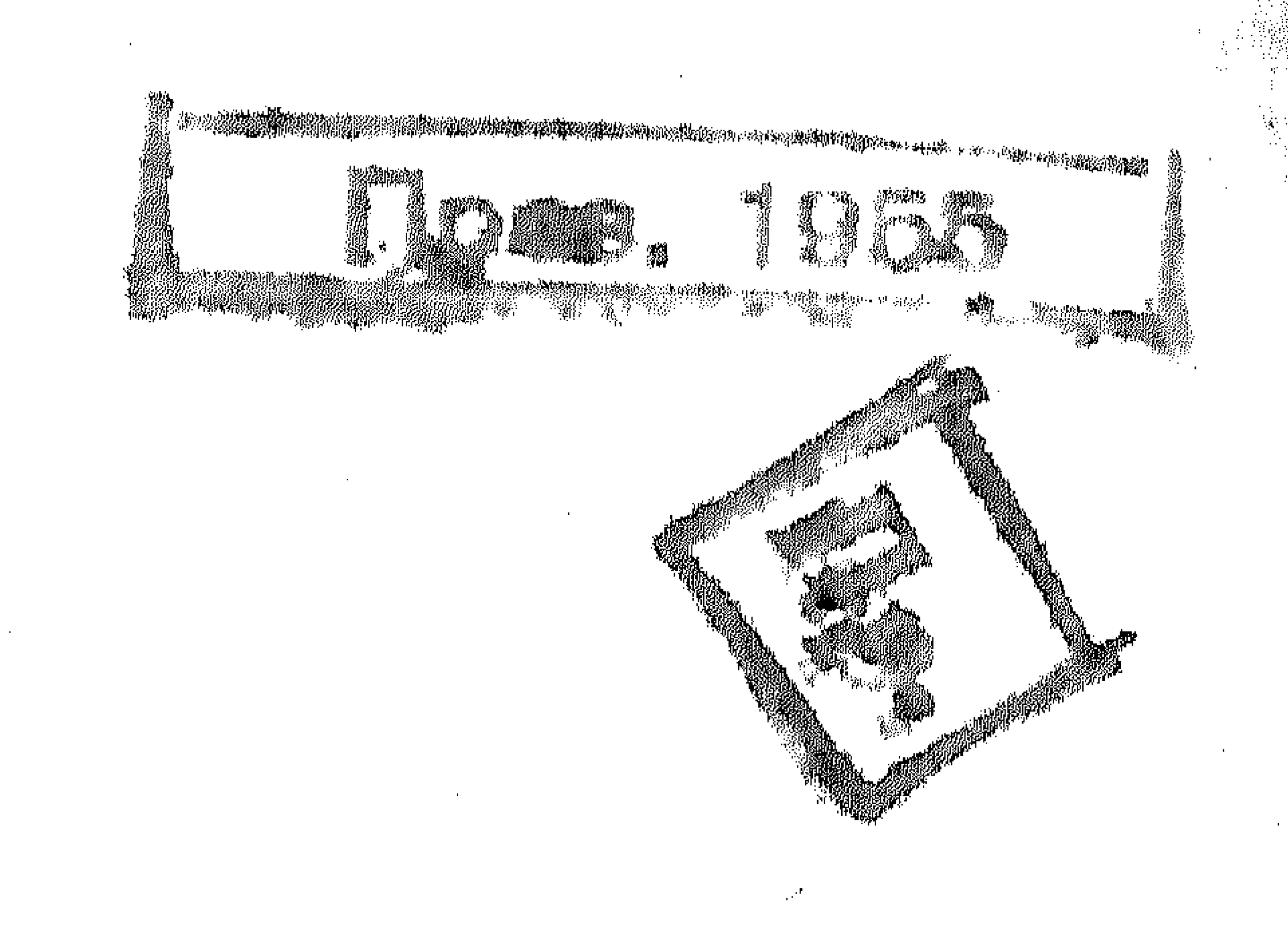
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА.

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА—1917 г.

Типографія „ОБЩЕЕ ДѢЛО“, Г. А. Лемана, Маросейка, 11.

Революція и культура.

Какъ подземный ударъ, разбивающій все, предстаетъ революція: предстаетъ ураганомъ, сметающимъ формы; и изваяніемъ, камнемъ, застыла скульптурная форма Революція напоминаетъ природу: грозу, наводненіе, водопадъ: все въ ней бьетъ «черезъ край». все—чрезмѣрно.

Въ умѣломъ «чуть-чуть» создается гармонія контуровъ Аполлоновой статуи.

Обиліе произведеній искусства обычно въ предреволюціонное время; и—послѣ. Наоборотъ: напряженность художествъ ослаблена въ мигъ революціи.

Межъ революціей и искусствомъ установима тѣснѣйшая связь; но эту связь не легко обнаружить: она сокровенна; неуловима прямая зависимость завершенныхъ твореній искусства отъ волнъ революціи: направленія роста стеблей и корней изъ единаго центра обратны другъ другу; ростъ проявленной творческой формы и ростъ революціи то же обратны другъ другу.

Но центръ роста одинъ.

Произведенья искусства суть формы культуры, предполагающей культъ, т.-е., бережный, кропотливый уходъ, прѣд-

полагающей непрерывность развитія; вся культура искусствъ обусловлена эволюціей.

Какъ подземный ударъ, разбивающій все, предстаетъ революція; эволюція—въ непрерывности формованія жизни; въ эволюціи революціонная лава твердѣетъ въ плодоносящую землю, чтобы изъ сѣмени всталъ зеленѣющій, юный ростокъ.

Цвѣтъ культуры—зеленый, и цвѣтъ революціи—огненный.

Съ точки зрѣнія этой изорвана эволюція человѣчества революціонными взрывами; то бѣжитъ раскаленная лава кровавымъ потокомъ по зеленѣющимъ склонамъ вулкана; то по нимъ пробѣгаетъ зеленая поросль культуры, скрывая остывшую, оземлянѣвшую лаву; революціонные взрывы смѣняютъ волну эволюцій; но ихъ кроютъ покровы бѣгущихъ за ними культуръ; за зеленымъ покровомъ блистаетъ кровавое пламя, и за пламенемъ этимъ опять зеленѣетъ листва; но зеленый цвѣтъ дополнителенъ красному.

Пересѣченіе революціонныхъ и эволюціонныхъ энергій, зеленаго съ краснымъ,—въ блистающей бѣлизнѣ Аполлонова свѣта: въ искусствѣ. Но этотъ свѣтъ есть невидимый свѣтъ (видима, какъ мы знаемъ, поверхность свѣченья): искусство—духовно.

Матеріальное выраженье его есть недолжное, временное уплотненье культуры; въ немъ искусство, культурный продуктъ, есть предметъ потребленья: товарная цѣнность, фетишъ, идолъ, звонкія, размѣнныя деньги. Таковые продукты культуры, подобно подброшеннымъ въ воздухѣ грузомъ, остановившися, падаютъ, какъ курокъ на пистонъ. Энергіей революціоннаго взрыва отвѣтствуетъ творческій, ихъ породившій процессъ.

Превращенье культурной, формующей силы въ продуктъ потребленія, превращаетъ хлѣбъ жизни въ черствѣющій, мертвенный камень; онъ куется въ монету; и копится капиталъ. Видоизмѣняются формы культуры; наука пріобрѣтаетъ техническій, узко практическій смыслъ; и гастрономіей процвѣтаетъ эстетика: золотѣющимъ отблескомъ солнца обогащаютъ себя, какъ червонцами; и, какъ въ шелка, облекаются въ нѣжные колориты зари; въ творчествѣ правовыхъ отношеній царитъ принудительный кнутъ, какъ полицейская мѣра для обузданія все ростущаго эгоизма утонченной чувствительности; то, что было когда то игрою моральныхъ фантазій, предстаетъ теперь властью; сила власти безъ творчества въ свою очередь оплотнѣваетъ, какъ власть принудительной силы; и карающимъ молотомъ высѣкаетъ она Прометеевъ огонъ изъ груди.

Прометеевъ духовный огонь есть очагъ революціи въ предреволюціонное время; онъ—бунтъ противъ фальши подмѣны: текучей, пластической формы ея матеріальнымъ каркасомъ; революція начинается въ духѣ; въ ней мы видимъ возстаніе на матеріальную плоть; выявленье духовнаго облика наступаетъ позднѣе; въ революціи экономическихъ и правовыхъ отношеній, мы видимъ послѣдствія революціоннодуховной волны; въ пламенномъ энтузіазмѣ она начинается; ея окончаніе—опять таки въ духѣ: въ седмицвѣтной зарѣ, возстающей изъ брызгъ: въ романтической, тихой, сіяющей радугѣ новорожденной культуры.

Неоформленность содержанія революцій порой угрожаетъ культурѣ; обратно: насильственный штемпель на цѣнностяхъ и продуктахъ культуры, взглядъ на нихъ, какъ на ходкія

говаръ, обладаетъ магическимъ свойствомъ, онъ станвится прикосновеньемъ Мидаса; прикосновенье Мидаса, гласитъ мифологія, превращало предметы въ куски неподвижныхъ металловъ; прикосновеніе грубой власти къ культурѣ сжимаетъ свободу теченія жизни; въ государственномъ капитализмѣ культура—продуктъ; въ революціи искусство—процессъ, не имѣющій явственной, проявленной формы; здѣсь продуктъ и процессъ противопоставлены; буйственно бьющая мощь противопоставлена дремлющей, тяжелѣющей косности.

Цвѣтъ культуры, зеленый, и цвѣтъ революціи, красный, одинаково суть отвлеченія отъ единаго, бѣлаго, матеріально не зримаго свѣта: Апполоновъ свѣтъ творчества есть воистину свѣтъ духовный. И онъ—светочь міру.

Средь культурныхъ, законченныхъ формъ и искусство—культурная форма; тѣмъ не менѣе въ нѣдрахъ его совершается революціонно-духовный процессъ; противорѣчіе въ свое время осознано Ницше; и—принято нами. Примиреніе въ трагедіи творящей души; здѣсь процессъ сотворенія есть кованье меча, долженствующаго намъ разбить цѣпи рока, сотканныя съ прошломъ: продукты, созданныя нами и очертившіе оплотнѣвшій магическій кругъ; встрѣча съ рокомъ, какъ съ собственнымъ двойникомъ, есть огромная сила трагедіи; раздвоеніе въ жизни искусствъ примиряется въ сознаніи раздвоенія «я» человѣка: его высшее «я» начинаетъ борьбу съ коснымъ «я». Отъ исхода борьбы измѣняется все теченіе творчествъ отставшей культуры; столкновенія революціи и культуры—діалогъ двухъ «Я» человѣческихъ въ проявленіяхъ общественной жизни.

Корень всѣхъ трагическихъ столкновенiй есть воистину встрѣча моя съ моимъ собственнымъ «я»; корень всѣхъ проявленiй искусства—трагедiя; и потому намъ понятно: борьба человѣка и рока другъ съ другомъ отражена въ построенiи трагедiей порождаемыхъ формъ; изъ первичной трагедiи выпали всѣ первичныя формы; двойственность ихъ отмѣтила всѣ. Эта двойственность въ томъ, что съ одной стороны произведенье искусства не ограничено временемъ, мѣстомъ и формою; и—безгранично оно расширяетъ себя въ нашихъ нѣдрахъ души; а съ другой стороны, оно—форма во времени, въ опредѣленномъ пространствѣ; и—неподвижно закована въ матерiалѣ.

Мѣсто статуи—опредѣленно: въ Музеѣ ея охраняютъ отъ взора музейныя стѣны; чтобъ увидѣть ее необходимо мнѣ совершить путешествiе въ опредѣленную мѣстность и, быть можетъ, подолгу искать ее скрывшiй музей; но съ другой стороны эту статую я уношу изъ ея оболочки въ моемъ воспрiятiи; воспрiятiе—на вѣки со мною; надъ нимъ я работаю; изъ работы моей возникаютъ подвижные поросли великолѣпнѣйшихъ образовъ; неподвижная статуя въ нихъ течетъ, въ нихъ ростетъ, какъ зерно въ прорастающей, вѣтромъ зыблемой нивѣ и льется во внѣ рядомъ статуй и красочныхъ звуковъ, исходитъ дождями сонетовъ; впечатлѣнiе ихъ творится опять таки въ имъ внимающихъ душахъ. Неподвижная статуя ожила въ становленiи; въ немъ раскрыта, какъ роза, когда то единая форма искусства; и въ немъ же раскрыта природа процессовъ, создавшихъ ее: вторая природа—природы, намъ данной; природа и формы искусства—во

мнѣ протекающій огненный, революціонный процессъ, не имѣющій формы, не видимый окопъ: во мнѣ и въ сочувственныхъ душахъ когда то застывшая статуя прядаетъ ясными струями тысячесмысленныхъ чувствъ.

Жизнь лица—въ выраженіяхъ; центръ лица—не глаза, а мгновенно зажегшійся взглядъ; вотъ онъ есть, вотъ—и нѣтъ его вовсе; не изваять его въ мраморъ; жизнь лица изобразима въ искусствѣ не прямо, а своеродными, условными средствами. И такими же средствами выражаема буря общественной жизни; прямыхъ соотвѣтствій здѣсь нѣтъ никогда. Разсудочны всѣ обычныя проведенія параллелей межъ искусствомъ и струями революцій; абстрактно вмѣненіе тенденціозныхъ эстетикъ: живописать революцію серіей протоколовъ и фотографій, ея брать сюжетомъ ея и т. д. Вдохновеніе есть созданіе образовъ, не совпадающихъ съ вдохновляющимъ образомъ. Вдохновляющій образъ Сикстинской Мадонны взрываетъ въ душѣ бури образовъ, арабесокъ, градацію симфоническихъ звуковъ; и подъ пѣною ихъ разверзается голубая беззвучная нѣмота; не въ описаньѣ Мадонны—Мадонна; нѣтъ скорѣе она въ переливахъ вздыхающей лиры Новалиса.

Революція, проливаяся въ душу поэтовъ, оттуда растетъ не какъ образъ дѣйствительно бывшій; нѣтъ, она выростаетъ скорѣй голубыми цвѣтами романтики, и золотомъ солнца; и золото солнца, и нѣжная нѣга лазури, обратно влекутъ революцію съ большей стихійностью, чѣмъ нелѣпо составленный революціонный сюжетъ.

Я напомню читателю: 1905 годъ въ жизни творчества—что намъ подлинно далъ? Многообразіе блѣднѣйшихъ разска-

зовъ о бомбахъ, разстрѣлахъ, жандармахъ. Но отразился онъ ярко—позднѣй; и—отражается нынѣ; революція по отношенію къ блѣднымъ разсказамъ революціонной эпохи осталась живымъ полнымъ жизни, лицомъ, въ насъ вперенным ъ; всѣ же снимки съ нея—суть портреты безъ взгляда; 1905 годъ оживаетъ позднѣе въ волнующихъ строфахъ поэзіи Гиппіусъ; но эти строфы написаны вольно въ нихъ нѣтъ фотографіи; произведенье искусства съ сюжетомъ на тему суть слѣпки изъ гипса съ живого лица; и таковыми являются вялыя славословья поэтовъ въ рифмованныхъ строчкахъ: «свобода», «народа»; но знаю навѣрное я: въ колоссальнѣйшихъ образахъ, отобразится великая русская революція въ ближайшей эпохѣ съ тѣмъ большею силой, чѣмъ меньше художники слова будутъ ея профанировать въ наши грозные дни.

Революцію взять сюжетомъ почти невозможно въ эпоху теченья ея; и невозможно потребовать отъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, чтобы они восхваляли ее въ дифирамбахъ и гимнахъ, этимъ гимнамъ, мгновенно написаннымъ и напечатаннымъ завтра на рыхлой, газетной бумагѣ, признаться, не вѣрю; потрясеніе, радость, восторгъ погружаютъ насъ въ нѣмоту; цѣломудренно я молчу о священныхъ событіяхъ моей внутренной жизни; и потому то противны мнѣ были недавнія вопли поэтовъ на темы войны; и потому то всѣ тѣ, кто сейчасъ изливаетъ поверхность души въ очень гладко рифмованныхъ строчкахъ по поводу мірового событія—никогда не скажутъ о немъ своего правдиваго слова; быть можетъ о немъ скажетъ слово свое не теперь, а потомъ главнымъ образомъ тотъ, кто молчитъ.

Революція—актъ зачатія творческихъ формъ, созрѣвающихъ въ десятилѣтіяхъ; послѣ акта зачатія зачавшая временно блекнетъ; ея жизнь не въ цвѣтеніи, а въ приливѣ питающихъ соковъ къ... младенцу; въ моментъ революціи временно блекнутъ цвѣты передъ нами процвѣтшихъ искусствъ; оболочка ихъ вянетъ: такъ вядутъ ланиты беременныхъ женщинъ; но въ угасаніи внѣшняго блеска—сіяніе скрытой красы; прекрасно молчаніе творчествъ въ минуту глаголющей жизни; вмѣшательство ихъ голосовъ въ ее бурную рѣчь наступаетъ тогда, когда рѣчь будетъ сказана.

Мнѣ рисуется жестъ художника въ революціонным періодѣ; это есть жестъ отдачи себя, жестъ забвенья себя, какъ жреца красоты: ощущенье себя рядовымъ гражданиномъ всеобщаго дѣла; вспомните огромнаго Вагнера: онъ, услышавши пѣніе революціонной толпы, взмахомъ палочки обрываетъ симфонію, и бросаясь съ дирижерскаго пульта, убѣгаетъ къ толпѣ: говорить; и—спасается бѣгствомъ изъ Лейпцига; Вагнеръ могъ бы писать великолѣпные дифирамбы; и дирижировать ими... въ Швейцаріи; но дифирамбовъ не пишетъ онъ вовсе, а... обрываетъ симфонію: забываетъ достоинство мудраго охранителя культа; ощущаетъ себя рядовымъ агитаторомъ. Но это вовсе не значитъ, что жизнь революціи не отразилась въ художникѣ; нѣтъ глубоко запала она,—такъ глубоко запала въ душѣ, что въ моментъ революціи, геній Вагнера онѣмѣлъ: то была нѣмота потрясенья; она разразилась позднѣе огромными взрывами: тетралогіей «Нибелунговъ», живописаньемъ сверженья кумировъ и торжествомъ человѣка надъ гнетомъ отжившихъ божествъ; отразилась она

заклинательнымъ взрывомъ огней революціи, охватившимъ Вальгаллу.

Вагнеръ—подлинный революціонеръ въ своей сферѣ, какъ Ибсенъ, переживавшій событія сорокъ восьмого года съ отзывчивой пылкостью; въ діалогѣ Ибсена—взрывъ драматургіи; да печать революціи духа сверкаетъ на немъ. И Вагнеръ, и Ибсенъ въ себѣ отразили стихію; межъ революціей и проявленіемъ ихъ творчествъ не явная, но тѣснѣйшая связь Но еще большая связь ихъ съ начавшейся революціонной эпохой: предреволюціонное время окрашено отблесками набѣгающихъ революціонныхъ огней; эти отблески почіютъ на искусствахъ.

Революція—проявленіе творческихъ силъ; въ оформленіяхъ жизни тѣмъ силамъ нѣтъ мѣста, содержаніе жизни текуче; оно утекло изъ подъ формъ, формы ссохлись давно; въ нихъ безформенность бьетъ изъ подполья. Оформленіе—выявленіе содержанья во внѣ; но въ обычныхъ условіяхъ жизни процессъ оформленія замѣненъ уплотненіемъ, образующимъ вмѣсто формъ неподвижныя накипи; всѣ абстракціи и всѣ матеріальныя формы суть накипи собственно-формъ, ненормальныя отложенья на формѣ, напоминающія отложенія кожи: какіе-то роговые щиты; въ оформленіяхъ жизни они образуютъ недвижный и косностущій балластъ, такъ скелетъ внутри насъ: предстаетъ въ его образѣ смерть; нашъ скелетъ—не живой отпечатокъ живого пластичнаго образа въ минеральной матеріи; въ этомъ смыслѣ онъ трупъ: мы его отлагаемъ въ себѣ; и отлагая въ себѣ, мы его за собою таскаемъ; мы словно прикованы къ трупу жизни; но это не значитъ, что мы суть скелеты; пока живы мы, скелетъ спрятанъ; высту-

паетъ изъ насъ наша «смерть» лишь позднѣе, когда отлетитъ духъ движенія изъ разложившихся тканей; вотъ такое-то выступленье «скелета» изъ жизненной формы до смерти являетъ собою подмѣна процесса творенія отбросомъ: матеріальнымъ продуктомъ; и такое же точно явленье «скелета» до смерти—распадъ діалектики мысли на отдѣльныя части свои: на неживыя понятія; эти понятія—кости; номенклатура ихъ есть система костей: сотворенье скелета. Мы себѣ сотворяемъ досмертную смерть, механизируемъ процессъ эволюціи. Въ нашей мертвенной мысли плоть жизни разложена въ элементы матеріи; оттого-то законы движенія матеріальныхъ продуктовъ (товаровъ)—намъ становятся и законами проявленій общественной жизни; такъ сведеніе силъ лишь къ механикѣ экономическихъ отношеній—преждевременно выявляетъ изъ насъ нашъ скелетъ, на котораго изливаемъ мы наше страшное вдохновеніе; и мертвецъ механически увлекаетъ насъ за собой—въ міръ машиннаго производства; символъ смерти—скелетъ; и подобье скелета—машина; этотъ новый гомункулъ, машина, возставши изъ насъ, увлекаетъ насъ въ смерть: неосторожное обращенье съ машинами, переоцѣнка машинъ, есть источникъ катастрофъ обставшей дѣйствительности; и оттого-то процессы творенія жизни уже не играютъ существенной роли въ эволюціонной дѣйствительности: въ эволюціи (такъ, какъ мы понимаемъ ее) изучаемъ мы только процессы движеній товарныхъ вагоновъ; и нагрузку ихъ зернами; не изучаемъ процессы мы жизни зерна внутри колоса, и—наливаніе колоса.

Въ механическомъ взглядѣ на жизнь революція—взрывъ, обрывающій мертвую форму въ безформенный хаосъ; но ея

выраженіе иное: скорѣе она есть давленіе силы ростка, разрываньеросткомъ сѣмянной оболочки, проростъ материнскаго организма въ таинственномъ актѣ рожденія; революцію въ такомъ случаѣ съ полнымъ правомъ мы можемъ назвать инволюціей—воплощеніемъ духа въ условія органической жизни; революціонное выраженіе инволюціи есть одинъ частный случай инволютивныхъ процессовъ; а именно: столкновеніе силы ростка съ ненормально утолщеннымъ коростомъ формы; здѣсь насильственно сброшена форма—каркасъ.

Актъ революціи двойственен; онъ—насильственен; онъ—свободенъ; онъ есть смерть старыхъ формъ; онъ—рожденіе новыхъ; но эти два проявленья—двѣ вѣтви единаго корня: въ этомъ корнѣ намъ нѣтъ распаденія межъ содержаніемъ и формой; въ немъ динамика духа (процессъ) сочетаема съ статикой плоти (продуктомъ); намъ примѣромъ возможности подобнаго парадоксальнаго сочетанія является мышленіе; въ немъ субъектъ, идеальная дѣятельность, субстанціально отождествима съ объектомъ, идеей, которая есть продуктъ этой дѣятельности; и потому-то въ немъ нѣтъ никакого разрыва межъ содержаньемъ и формой. И оттого-то намъ мысль предстоитъ неустанно текучею формою—формой въ движеніи.

Инволюція есть такая же текучая форма; и она-то связуетъ въ корняхъ революціонное содержаніе съ эволюціонными формами; въ ея свѣтѣ толчокъ революціи—показатель того, что младенецъ взыгрался во чревѣ.

Революціонныя силы суть струи артезіанскихъ источниковъ; сначала источникъ бьетъ грязью; и—косность земная взлетаетъ сначала въ струѣ; но струя очищается; революціон-

ное очищеніе—организація хаоса въ гибкость движенія новорождаемыхъ формъ. Первый мигъ революціи—образованье паровъ, а второй—ихъ сгущеніе въ гибкую и текучую форму: то—облако; облако въ движеніи есть все, что угодно: великанъ, городъ, башня; въ немъ господствуетъ метаморфоза; на немъ появляется краска; оно гласитъ громомъ; громовые гласы въ нѣмомъ и безформенномъ парѣ есть чудо рожденія жизни изъ нѣдръ революціи.

Революціонной эпохѣ предшествуетъ смутное прозрѣваніе будущихъ формъ зареволюціонной дѣйствительности... въ фантастической дымкѣ искусствъ; тамъ, въ неясно гласящей намъ сказкѣ предносится смутно грядущая быль; то она—мифологія; то—подъ покровами прошлаго, преображеннаго сказочнымъ ореоломъ; это прошлое въ сущности намъ говоритъ тѣмъ, что не было никогда; вся романтика воспоминаній о прошломъ есть въ сущности чаянье: будущее, не имѣя законченной формы, встаетъ намъ подъ маскою бывшаго; и потому это «бывшее»—не было никогда: оно—страна Мечты; „Embarquement pour Citére" *) отражаетъ томленія предреволюціонной дѣйствительности.

Въ романтизмѣ, въ фантастикѣ, въ сказочной дымкѣ искусствъ есть уже забастовка; она указуетъ, что гдѣ-то въ сознаніи накопилась энергія революціоннаго взрыва, что скоро изъ облачныхъ волнъ романтизма покажется.. молнія. Революціонный періодъ начала истекшаго вѣка бѣжитъ по Евро-

*) Картина Ватто „Путешествіе ва островъ Цитеру".

пѣ въ волнѣ романтизма; и наше время проходитъ предъ нами въ волнѣ символизма.

Революція въ области формы—послѣдствіе романтизма: ощущеніе безглагольности, несказанности вѣчно сопутствуетъ ей; тайна будущей формы не вскрыта, а сущія формы изношены; и они упадаютъ; революція въ области формъ иллюзорна: она—эволюція разложенія мертвыхъ, застывшихъ каркасовъ подъ давленіемъ внутреннихъ импульсовъ, не явившихъ свой ликъ.

Въ предреволюціонное время душа утонченныхъ художниковъ раскрывается женственно внутреннимъ импульсамъ духа; актъ зачатія духомъ въ душѣ происходитъ; переживаются въ образахъ тайны грядущихъ формъ жизни; зареволюціонное время не видится явственно; но оно проницается вѣщимъ чувствомъ художника; и оно облекаетъ грядущую нѣкогда быль въ опереніе сказокъ и въ складки обставшей дѣйствительности; такъ дѣйствительность эта пріобрѣтаетъ двоящійся смыслъ; и сама превращается въ символъ, не разрываясь на части, а—становясь все прозрачнѣй: таковы драмы Ибсена—величайшаго анархиста предреволюціоннаго времени; и оттого эти драмы гремятъ по Европѣ громами летящихъ лавинъ; и—потрясаютъ паденьями, взлетами, пѣснью и сумасшедшими криками. Драмы Ибсена—это стрѣлка компаса: въ нихъ паденіе Сольнеса, Бранта и Рубека съ высоты ледниковъ есть паденіе стрѣлки компаса предъ налетающей бурей; намъ въ лавинномъ грохотѣ всей драматургіи Ибсена уже слышны иные далекіе грохоты: грохоты пушекъ войны, міровой, небывалой; и—громъ революцій.

Первые революціонные грохоты крадутся на голубиныхъ шагахъ... внутри насъ. Всей романтикой творчества обрамлена революція. И изъ нея, изъ романтики, вытекаетъ новѣйшіе лозунгу матеріалы: они въ реализмѣ. Какъ ни странно сказать, наши Лермонтовъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій и Пушкинъ — наслѣдія отгремѣвшей до нихъ революціонной волны.

Революціонная эра текущей эпохи себя начинаетъ въ искусствѣ разрывами сложенной, натуралистической формы: импрессіонизмъ начинаетъ разрывъ, не сознавая своей разрушительной миссіи и полагая, что онъ утверждаетъ натуру; но онъ распыляется въ атомы футуризмомъ, кубизмомъ, супраматизмомъ и прочими новѣйшими формами; изъ разрывовъ встаетъ нераскрытое содержанье грядущей эпохи въ волнѣ символизма.

Революція формъ еще не есть революція; нѣтъ, она— разложеніе косной матеріи творчествъ; новое содержаніе подъ обломками формы являетъ себя въ разрушительныхъ вихряхъ, опустошающихъ формы; но въ душѣ оно—ритмъ, а не вихрь: оно ладъ, а не шумъ; оно—стихъ; и оно—не слѣпая стихія; и этотъ ладъ постигается не въ гримасахъ умершаго слова, а въ умѣньѣ прочесть проростающій смыслъ въ самой трещинѣ слова; нуженъ взглядъ сквозь сюжетъ для конкретнаго пониманья сюжетовъ искусства недавняго прошлаго; и тогда намъ откроется: революціей, міровою войною и многимъ еще, не свершившимся въ полѣ зрѣнія нашемъ, чреваты твореніе отцовъ символизма. Кто проникнетъ въ неясно гласящія мифы недавняго прошлаго, скажетъ, какъ Блокъ:

Но узнаю тебя, начало
Высокихъ и мятежныхъ дней,

Современный художникъ давно уже слышитъ вмѣненія «царства свободы», летящія въ дали; отвергнуть каркасы искусствъ, оскудѣвшія формы, и стать самому своей собственной формой; мы работаемъ не надъ тѣмъ матеріаломъ: не глина, не слово, не краска, не звукъ—наши формы; наша форма—душа; измѣняя ее, вырываемся мы изъ необходимостей творчества въ страны свободы его. Отъ вмѣненія преображать вещество современный художникъ стремится возвыситься къ нравственной жаждѣ: пересоздать свою душу. Революція духа его восхищаетъ къ преобразамъ будущихъ формъ, какъ орелъ Ганимеда. Эта жажда давно ужъ сказалась въ Толстомъ, въ его жестѣ отказа отъ бренныхъ формъ творчествъ; и сказалась она въ драматическомъ эпилогѣ у Ибсена; тотъ же жестъ, проявляясь мучительно въ Гоголѣ, насъ лишаетъ второй половины безсмертной поэмы его: «Мертвыхъ душъ», ибо «мертвые», мы,—«пробуждаемся»; царство свободы—ужъ въ насъ! Оно будетъ внѣ насъ!

Бренный образъ изломанной формы есть символъ; міръ, намъ данныхъ искусствъ,—онъ не есть міръ искусства; искусства созданія жизни; онъ—все еще символъ, который по Ницше всего лишь киваетъ безъ словъ; міръ искусствъ, намъ доселѣ гласившій, давно ужъ молчитъ и киваетъ безъ словъ; заговорили далекіе грохоты еще невнятнаго слова, котораго первая буква—война, а вторая—возстанье... изъ мертвыхъ.

Революція до революціи, до войны еще издали внятно киваетъ безъ словъ: ея взглядъ безъ единаго слова—романтика. И когда говоритъ министръ Керенскій «будемъ—романтиками», *), мы, поэты, художники,—мы ему отвѣчаемъ: «мы—будемъ, мы—будемъ»...

Этотъ жестъ въ грозный часъ революцій не разрѣшается внятно въ искусствѣ, а переходитъ въ стремленіе: слиться съ внутреннимъ ритмомъ стихій; переживать ихъ, какъ стихъ; рѣчь художника къ голосу революціонной стихіи есть внутренній стихъ о прекрасной возлюбленной дамѣ; душѣ русской жизни; отношеніе къ революціи, какъ къ возлюбленной, есть проявленіе инстинктивной увѣренности, что бракъ ея съ творчествомъ состоится: мы вѣдь любимъ ея не въ ея бренныхъ формахъ—въ ребенкѣ, который родится отъ брака:

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю...
Въ твоихъ чертахъ ищу черты иныя...

И далѣе:

Сіяй же, указывай путь!
Веди къ недоступному счастью
Того, кто надежды не зналъ...
И сердце утонетъ въ восторгѣ
При видѣ тебя...

Соединеніе революціонера съ художникомъ въ пламен-

---

*) Изъ его рѣчи на митингѣ въ московскомъ Большомъ театрѣ, произнесенной въ маѣ 1917 года.

номъ энтузіазмѣ обоихъ, въ романтикѣ отношенія къ происходящимъ событіямъ.

Творчество есть процессъ воплощенія духа; оно—инволюція; матерія—разломанный духъ; въ матеріализаціи—изсякновеніе творчества; противорѣчіе межъ революцій и искусствомъ есть столкновеніе матеріалистическаго отношенья къ искусству съ абстракціями революціи; столкновеніе выглядитъ столкновеньемъ равно отрицательныхъ силъ: силы косности формъ и безформенной силы порыва.

Въ текущихъ столѣтіяхъ духъ подмѣнился: абстракціей духа; абстракція духа есть принципъ; его жизнь—діалектика мертвыхъ понятій по роковому и логикой разоблаченному кругу; разоблаченье порочнаго круга есть смерть діалектики въ номенклатурѣ понятій, которыхъ значеніе въ умѣніи прилагать ихъ къ предмету: предметъ—матеріаленъ; субстанція духа смѣнилась субстанціей міра матеріи въ абстракціяхъ мысли, отъ этого мысль революцій (раскрытіе духа въ матеріи) естественно подмѣняется мыслью о революціи матеріальныхъ условій обставшаго быта; и—только. Въ экономическомъ матеріализмѣ—абстракція революціи духа; революціоннаго организма въ немъ нѣтъ; есть его уплощенная тѣнь. Революція производственныхъ отношеній есть отраженіе революціи, а не сама революція; экономическій матеріализмъ полагаетъ лишь въ ней чистоту; и полагаетъ онъ: революціи духа—не чисты; онѣ буржуазны.

Революція чистая, революція-собственно, еще только идетъ изъ тумановъ грядущей эпохи. Всѣ иныя же революціи по отношенію къ этой послѣдней—предупреждающіе толчки, по-

тому что онѣ буржуазны и находятся внутри эволюціонного круга огромной эпохи, именуемой нами «исторія»; эпоха грядущая внѣ-исторична, всемірна. Такъ абстрактное взятіе революціи подмѣняетъ ее эволюціоннымъ процессомъ. Дѣйствительно.

Обобществленье орудій товарнаго производства вытекаетъ естественно изъ эволюціи экономическихъ отношеній; переходъ къ соціализму въ условіяхъ нашей мысли вскрываетъ лишь стадіи ликвидаціи старыхъ формъ; и—не вскрываетъ намъ новыхъ; диктатура трудящихся массъ завершаетъ послѣднюю стадію; но она вытекаетъ естественно изъ условій развитія капитала: соціальная революція въ этомъ смыслѣ не есть революціи; и она—буржуазна. Подлинный эволюціонный прерывъ, революція-собственно, наступаетъ позднѣй,—но, тутъ занавѣсъ падаетъ; новыя соціальныя формы по существу намъ не вскрыты; мы знаемъ о нихъ лишь одно, что онѣ не вскрываемы, потому что орудія вскрытія (философская и научная мысль) суть продукты ветшающей буржуазной культуры; вмѣстѣ съ ней они падаютъ; тамъ, въ моментѣ раскрытія новыхъ творческихъ формъ, проэцируетъ бренная мысль свои бренныя образы трудового хозяйства; трудъ—абстракція творчества; и трудовое хозяйство реально не вскрыто: невозможность конкретно раскрыть содержаніе будущей за-революціонной эпохи теоріей соціализма осознана; въ этомъ мѣстѣ теорія намъ рисуетъ скачокъ—въ вовсе новое царство свободы; это царство свободы есть въ сущности лишь признаніе новаго измѣренія жизни внѣ бренныхъ условій товарной культуры и ей обусловленной бренной разсудочной

мысли. Только новымъ сознаніемъ измѣримо грядущее царство свободы; но сознаніе это лежитъ за предѣломъ сознанья, намъ даннаго.

Такъ попытка намъ выявить квинтъ-эссенцію революціи подмѣняется вынесеніемъ содержанья ея за всѣ виды ея проявленій, которыя все еще—эволюція упадающихъ, матеріально воспринятыхъ формъ.

Точно также теоріи наши о вещественно данныхъ искусствахъ заставляютъ по новому насъ поставить вопросъ: «Что такое искусство?» Не чудачество, а трагедія творчества, поднимаетъ вопросъ въ томъ рѣшительномъ видѣ, какъ онъ возстаетъ у Толстого. И защищая искусство Бетховена, Вагнера, Гёте отъ вопроса Толстого, невольно смѣшны мы,—ни Вагнеры, ни Бетховены, ни Толстые, а только... любители красоты, ему посвящающіе развѣ что часокъ передъ сномъ.

Въ XIX и XX столѣтіи представленье о творчествѣ у сильнѣйшихъ его представителей парадоксальны до крайности; по отношенію къ прежнимъ воззрѣніямъ революціонны они; наблюдается естественный ростъ этихъ взглядовъ; открываются съ большею ясностью и причины возникновенья его; самая эволюція творчествъ мучительно вскрыла въ текущемъ столѣтіи противорѣчивый смыслъ творчества; покровы классической формы разорваны; нѣдра, сокрытыя прежде, намъ выперты всюду изъ формъ; произведенья искусствъ нашей эры не суть Аполлоновы статуи, а клубки насъ пугающихъ и другъ друга терзающихъ змѣй. Для искусства начала истекшаго вѣка до крайности характерно признаніе Пушкина: «мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Начало XX

вѣка характеризуетъ признаніе Владиміра Маяковскаго о... распятыхъ перекресткомъ городовыхъ. Признанія эти, не правда ли, раздѣляетъ огромная бездна.

Распаденіе міра искусствъ на отдѣльныя русла обусловлено сложностью наростающихъ техническихъ средствъ; искусство кольцомъ обложили орудія производства; они ворвались въ міръ искусства; они сломали искусство; процессъ усложненія производствъ, полоняя міръ творчествъ, увлекъ за собой міръ искусствъ въ ту же сферу Аида: въ коптящую дымами сферу промышленности; превращеніе города въ крупный промышленный центръ, разбивая искусство въ его цѣломудренномъ обликѣ, уплотнить матеріально разбитыя части его; ускореніе темпа развитія руслъ есть развитіе лишь его техническихъ коростовъ; динамическій ритмъ подъ щитомъ наростающихъ формъ превращается въ черепаху подъ ними; черепашій ходъ творчествъ плодитъ суррогаты; и легкокрылая мода, играя поверхностью формы, не проницаетъ ядра замерзающихъ импульсовъ духа.

Въ матеріальной недвижности формъ не находитъ исхода себѣ огневая динамика импульса; она утекаетъ изъ формы... въ подъ-форменный хаосъ; и безглагольной романтикой, внутренне революціонно-духовнымъ порывомъ, она рветъ эти формы, техника революціонизируетъ скрытую энергію творчествъ вовсе не тѣмъ, что она измѣняетъ видъ творчествъ, а тѣмъ, что она подавляетъ своею броней выявленіе его скрытаго духа; технизація формы естественно превращаетъ ее въ оболочку отъ бомбы, а свободно летающій творческій воздухъ сжимаетъ она до его косной твердости; такъ становится онъ

динамитомъ, взрывающимъ форму; но осколки разбившейся формы впослѣдствіи становятся бомбами; и они разрываются; роковой кругъ распада растетъ: дифференціація творчествъ въ условіяхъ матеріальной культуры ведетъ къ декадентству.

Внутри жизни искусствъ поднимается бунтъ противъ формъ; осознается, что творчество—въ творчествѣ новыхъ духовно-душевныхъ стихій; его форма—не бренная; нѣтъ, не глина, не краска она; и—не звукъ; нѣтъ, она есть душа человѣка.

Въ пластикѣ внутренней жизни, въ овладѣваніи новыми царствами духа—движеніе творчества, а не въ техникѣ воплощенія въ матеріальное вещество. Воплощеніе есть выдыханіе огненно-духовной стихіи въ морозную атмосферу отставшей дѣйствительности; воплощеніе есть свободное образованіе кристалловъ изъ влаги дыханія; но самое выдыханіе въ сущности есть пассивный процессъ, обусловленный вздохомъ; самый вздохъ зависитъ отъ легкихъ; творчество не въ сложеньѣ кристалловъ изъ инея пара; творчество и не вздохъ; нѣтъ, оно есть работа надъ легкими; измѣненіе организма творца.

Въ перенесеньѣ вниманія отъ кристалловъ распавшихся творчествъ (отъ воздуха творчествъ) къ источнику выдыханія, къ легкимъ, впервые вскрывается царство свободы его внѣ революціи формъ, которая «буржуазна» всегда. Царство свободы—въ пересозданіи самихъ возможностей творчествъ, въ возсозданіи новыхъ условій, доселѣ не бывшихъ. Необходимость техническихъ средствъ, этотъ рокъ, этотъ Новый Египетъ, воистину есть иллюзія творчества; нарисован-

ная двойникомъ подлинно духовнаго «я»: человѣческимъ эгоизмомъ и человѣческой косностью.

Отрицаніе Гоголемъ, Ибсеномъ, Ницше, Толстымъ, Достоевскимъ обычнаго творчества есть начало исхода творцовъ изъ Египта искусствъ. Здѣсь художникъ воистину Моисей, поднимающійся къ Синаю за новымъ законодательствомъ жизни; меньшаго онъ не можетъ поставить себѣ; но такое вмѣненіе творчествамъ быть законами царства свободы есть вмѣненье творцамъ: не нарушить моральной фантазіи вновь создаваемой жизни; вмѣненіе это неисполнимо въ условіяхъ данной жизни; отсюда—трагедія творчества, гдѣ драматургъ—исполнитель, а исполненіе—не сцена, а жизнь.

Первый актъ творчества есть созданіе міра искусствъ; актъ второй: созиданье себя по образу и подобію міра; но міръ созданныхъ формъ не пускаетъ творца въ имъ созданное царство свободы; у порога его стоитъ стражъ: наше косное «я»; борьба съ собственной бренною формой, со стражемъ порога, и есть встрѣча съ рокомъ, трагедія творчества; во время этой трагедіи происходитъ отказъ нашъ отъ творчествъ, уходъ изъ искусства; тутъ становятся намъ понятнымъ сожженіе «Мертвыхъ душъ», сумасшествіе Ницше, глухое молчанье Толстого. Актъ третій: вступленіе въ царство свободы и новая связь безусловно свободныхъ людей для созданія общины жизни по образу и подобію новыхъ именъ, въ насъ таинственно вписанныхъ духомъ.

Только въ этомъ моментѣ своемъ все искусство становится подлинной революціей жизни; но до этого мига еще исчезаетъ оно, какъ міръ формъ; этотъ третій моментъ за ре-

дѣленъ условіямъ осуществленной культуры; и потому въ ней безформененъ онъ; и потому-то воистину царство свободы въ искусствѣ нашей мыслью встрѣчается, какъ втор женіе беззаконной кометы; нашей мысли грозитъ этотъ мигъ анархической революціи, не могущей себя проявить въ революціи соціальной. Но это все потому, что наша мысль есть абстракція, обращенная къ матеріальному міру; матерія есть разломанный духъ; матерія есть кривое зеркало духа; и оттого-то въ условіяхъ матеріальной культуры и въ революціяхъ формъ все духовное въ содержаніи жизни революціонной культуры называютъ подчасъ индивидуалистическимъ, анархическимъ хаосомъ.

Подлинно революціонны и Ибсенъ, и Штирнеръ, и Ницше, а вовсе не Энгельсъ, не Марксъ; въ глубинѣ ихъ сознанія гремятъ намъ огромные революціонные взрывы; и они-то намъ подлинно рвутъ непріятельскій фронтъ; непріятельскій фронтъ— это наша душевная косность; и герои изъ царства свободы встаютъ намъ неясно въ своемъ титаническомъ обликѣ на вершинахъ искусства: Прометеи и Данте, и Фаусты, и Эмпедоклы, летящіе внизъ головой въ жерло кратера, и Заратустры, бѣгущіе вверхъ къ ледникамъ,—эти мощные образы только неясные прорѣзы гражданъ свободнаго града осуществленной за-революціонной культуры.

И намъ ясно: лежащія въ будущемъ формы общественной жизни, осуществленныя революціей-собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь «большевистской» культуры, а— вѣчносущее, скрытое подъ формальной вуалью искусствъ. Оплотненіе искусства въ условіяхъ соціальной дѣйствитель-

ности есть всегда превращеніе живой плоти его въ поѣдаемый хлѣбъ; но въ такомъ пониманіи его этотъ хлѣбъ черственѣетъ: становится камнемъ; современная намъ культура давно ужъ глаголетъ камнями; ея цѣнность — въ монетѣ; современная революція устремляется ко хлѣбамъ. Но «не о хлѣбѣ единомъ» печется душа человѣка. Ни въ хлѣбахъ, ни въ камняхъ нѣтъ живой плоти жизни.

Царство нашей свободы, осуществимое въ будущемъ, уже здѣсь: нынѣ съ нами; оно «вѣчносущее», скрытое въ мірѣ искусствъ. Его формы, обставшія насъ, разсмотримы по плотности, т.-е. по толщѣ завѣсы, скрывающей подлинный ликъ міра будущей жизни. Наиболѣе косная форма есть зотчество; здѣсь таимое въ творчествѣ какъ бы грузно заставлено огромными матеріальными массами; это таимое, проницая толщу косныхъ формъ, одушевленнѣй въ скульптурѣ; и оно лишь завѣса, горящая красками въ живописи; эта завѣса въ поэзіи заволновалась теченіемъ образовъ; образы здѣсь не даны; воображеніе поэзіи все еще есть завѣса таящейся жизни; въ чистой музыкѣ пропадаетъ завѣса воображаемыхъ образовъ; музыка — наиболѣе романтична; наиболѣе слышимы сквозь безобразный голосъ ея революція духа, гласящая царствомъ свободы. Межъ революціей и искусствомъ проводима тѣснѣйшая параллель черезъ музыку именно.

Чѣмъ понять рѣчи музыки? Внутреннимъ, что она вызываетъ: встающимъ въ насъ отзывомъ; но этотъ отзывъ не музыка, а ея переводъ на душевный языкъ. Мы должны внятно вникнуть въ себя, чтобъ правдиво описывать то, что

встаетъ въ насъ, какъ откликъ: встаютъ намъ и мысли, и чувства, и жесты, и импульсы; но эти мысли, но чувства, но жесты, внушенные музыкой,—не вскрытіе музыки. Они многозначны и преломимы по своему каждой отдѣльной душой, между тѣмъ: звуки музыки однозначны, точны, какъ мелодія, опредѣленны, все тѣже; почти они числа. Музыка, такъ сказать, математика нашей души; по отношенію къ многообразію пробуждаемыхъ ею и мыслей, и образовъ, она какъ бы есть тотъ законъ, который ихъ вызываетъ; музыка по отношенію къ тому, что она вызываетъ въ душѣ, есть единство раствора, а мысли и образы музыки въ насъ суть кристаллы. Музыка есть источникъ рожденія въ насъ какихъ то сложнѣйшихъ образованій души, какъ безоблачность неба—источникъ рожденія облака; музыка глубже всего, что она въ насъ рождаетъ; не простое—сложнѣйшее и тончайшее въ насъ пробуждаемо ей.

Если бы намъ создать по образу и подобію пережитаго въ музыкѣ образъ встающаго человѣка, онъ превысилъ бы насъ, взятыхъ въ будничныхъ нашихъ дѣлахъ.

Слушая музыку, переживаемъ мы какія то огромныя судьбы огромныхъ людей, къ которымъ нѣтъ у насъ подступа; слушая музыку, мы чего то хотимъ, но хотѣнія наши оборваны повседневною жизнью; осуществить жизнь по музыкѣ невозможно въ условіяхъ теперешней жизни; въ ней мы себя ощущаемъ, какъ... въ сапогахъ великана; но великанъ этотъ все таки—мы; вѣрнѣй, мы—въ нашемъ будущемъ; ритмы будущихъ нашихъ дѣяній въ сошедшемъ къ намъ царствѣ свободы—даны; самые жъ законы дѣяній намъ остаются не

вскрытыми; музыка—глубже даже законовъ, намъ данныхъ въ словахъ; она есть законъ внутри насъ нашей вѣчной свободы; и рѣчь—порожденье ея.

Многообразіе сложныхъ чувствъ подымаются музыкой изъ безглагольныхъ глубинъ человѣческой жизни; изъ-за порога сознанія ей, только ей зажигаются зори невошедшихъ сознаній; рисуются образы жизни еще недостигнутыхъ человѣческихъ отношеній; въ ней—уже лицо жизни—оттуда, изъ-за катастрофы образовъ; музыка, проливаяся въ формы предъ нею возникшихъ искусствъ, размываетъ ихъ контуры; воображеніе, образы.—въ чистой музыкѣ тонутъ; и потому сама ея форма прообразуетъ намъ революцію творчества, въ ней призывъ къ осуществленію царства свободы, и потому то лишъ въ ней предѣльное обнаженіе творчествъ; скрытая подъ формами музыка породила искусства; и позднѣй другихъ формъ намъ сложилась въ исторіи формой; въ ея формѣ попытка оформить за-форменный хаосъ, раскрыть революцію духа подъ революціей формы; музыка есть попытка выразить формою квинтъ-эссенцію процессовъ творенія.

Пролетаріатъ по ученію соціалистовъ есть классъ среди классовъ; и однако въ немъ—выходъ изъ классовой градаціи общества; его миссія утопить уплотненные продукты труда (капиталы) въ процессѣ труда. Такъ и музыка: она форма средь формъ; и однако въ ней выходъ за форму; ея миссія утопить уплотненные продукты творенія (формы искусствъ) въ изображеніи самаго процесса творенія.

Представленія о реальномъ раскрытіи формъ трудового хозяйства въ условіяхъ нашей мысли абстракты; представле-

нія эти суть въ сущности перепрыги въ предѣлы свободы плѣненною необходимостью мыслью. Трудовое хозяйство намъ мыслимо, какъ градація индивидуальныхъ трудовъ; но ихъ корень есть творчество; трудовое хозяйство въ реально-раскрытой свободѣ или есть парадоксъ, или есть не хозяйство, а новый, невѣдомый, небывалый свободою созидаемый міръ.

Въ музыкѣ долетаютъ впервые къ намъ звуки изъ этого міра; она воля къ нему; и оттого то она не мирится ни съ образомъ, ни съ отдѣльною мыслью, ни съ ихъ совокупностью; по отношенію къ ней это все только классы и формы; въ ея формѣ загаданъ намъ выходъ изъ формы; она то, что въ насъ хочетъ прекраснаго, но что мы въ себѣ еще не осознали научно; она—пламенный энтузіазмъ; она—путь; она—жизнь.

Музыка—внутренне еще не вскрывшихся представленій объ индивидуальномъ трудѣ, облагораживающемъ и свободномъ до возможности создавать міръ искусствъ изъ каждаго проявленія человѣка.

Музыка есть невскрытый конвертъ съ содержаніемъ нашей судьбы: въ музыкѣ—содержаніе будущей исторической жизни; музыка это голубь съ вершины грядущаго Арарата, приносящая въ нашъ ковчегъ свою первую, масличную вѣтвь; эта вѣсть есть рѣшеніе участи всѣхъ заключенныхъ въ ковчегѣ; оттого то она всенародна; и вмѣстѣ—индивидуальна, интимна: касается каждаго; въ ней раскрытіе каждой индивидуальной души до подлинно всенароднаго образа; но этотъ образъ нашъ внутри насъ, какъ звѣзда; онъ—не видимъ; онъ данъ въ пучкѣ блесковъ.

Революція духа—комета, летящая къ намъ изъ запредѣльной дѣйствительности; преодолѣніе необходимости въ царствѣ свободы, рисуемый соціальный прыжокъ, не есть вовсе прыжокъ; онъ—паденіе кометы на насъ; но и это паденіе есть иллюзія зрѣнія: отраженіе въ небосводѣ происходящаго въ сердцѣ: въ нашемъ сердцѣ мы видимъ уже звѣздный лугъ новорожденнаго облика насъ въ нашемъ будущемъ, явленный музыкой; расширеніе точки звѣзды до летящаго диска кометы уже происходитъ въ глубинахъ сердечнаго знанія: пламенный энтузіазмъ развиваетъ въ комету звѣзду; и мы слушаемъ звѣздные звуки о насъ—въ нашемъ будущемъ.

Уразумѣніе внутренней связи искусствъ съ революціей въ уразумѣніи связи двухъ образовъ: упадающей надъ головою кометы и... неподвижной звѣзды внутри насъ. Тутъ то подлинное пересѣченіе и двухъ завѣтовъ евангельскихъ: «алчущаго накорми» и «не о хлѣбѣ единомъ»...

Андрей Бѣлый.